
СРАВНИТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Д. М. ТИМОХИН

МИГРАЦИЯ КОЧЕВЫХ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН ДЕШТ-И-КЫПЧАКА В ЗЕМЛЯХ ХОРАСАНА И МАВЕРАННАХРА В XII в. В ТЕКСТАХ МУСУЛЬМАНСКИХ ИСТОРИКОВ XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание на особенности миграции кочевых тюркских племен восточного Дешт-и-Кыпчака в земли Хорасана и Мавераннахра в XII в. Нас в большей степени будут интересовать описания этого процесса в мусульманских памятниках XII – первой половины XIII в., а точнее – причины начала миграционных процессов в указанный период и факторы, их усиливающие, которые выделяют эти историки в качестве таковых. Важно обозначить наиболее важные причины и факторы, о которых содержатся сведения в мусульманских источниках, и проанализировать их. Надеемся, что наша статья окажется полезной специалистам по истории кочевых племен восточного Дешт-и-Кыпчака и тем, кто занимается мусульманской историографией домонгольского периода.

Ключевые слова: кочевые тюркские племена, восточный Дешт-и-Кыпчак, Хорезм, султан Санджар, каракитаи, мусульманские источники.

Историю присутствия кочевых тюркских племен в пределах Хорасана и Мавераннахра в домонгольский период вряд ли следует считать малоизученной темой уже после выхода классического труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (Бартольд 1900; 1963: 43–601). Тем не менее определенные аспекты этой научной проблемы продолжают приковывать иссле-

*Историческая психология и социология истории 2/2021 54–71
DOI: 10.30884/ipsi/2021.02.05*

довательский интерес и требовать новых попыток теоретического обобщения имеющихся в нашем распоряжении сведений из исторических источников. К разряду такого рода сюжетов можно отнести и следующий момент: в связи с какими причинами мы наблюдаем усиление присутствия кочевых тюркских племен в землях Хорасана и Мавераннахра в XII в., чем оно было вызвано и можно ли выстроить определенное логическое объяснение этому факту. Несомненно, нас в большей степени будут интересовать сведения по этому поводу, которые можно почерпнуть из мусульманских исторических и географических сочинений XII – первой половины XIII в., то есть очевидцев и младших современников указанной миграции кочевых тюркских племен в земли Хорасана и Мавераннахра. В связи с этим важнейший вопрос для исследователей сопряжен с тем, что вообще формируются подобные миграционные процессы, связывающие Дешт-и-Кыпчак с землями указанных выше регионов в позднесельджукский период. Однако не менее важно разобраться с тем, что же способствует этим процессам, какие события усиливают миграционные потоки – в связи с этим в рамках данной статьи мы обозначим подобные факторы, которые указывались средневековыми мусульманскими историками в своих сочинениях. При этом для нас будет также важно подчеркнуть, как ими описан сам процесс миграции тюркских племен в пределы Хорасана и Мавераннахра, какие оценочные характеристики этого они себе позволяют. Надеемся, что наша статья окажется полезна для специалистов по истории Дешт-и-Кыпчака в домонгольский период, а также для тех, кто интересуется историей Хорасана и Мавераннахра в XII – начале XIII в.

В первую очередь, говоря о миграции кочевых тюркских племен в пределы Хорасана и Мавераннахра, вероятно, следовало бы говорить о процессах, которые происходили внутри самого Дешт-и-Кыпчака в XII в. и могли спровоцировать подобное явление. Однако здесь возникает определенная проблема, связанная с мусульманскими историческими сочинениями как важнейшими источниками по истории Дешт-и-Кыпчака в домонгольский период. Несмотря на большой объем сведений о самих тюркских племенах в подобного рода текстах, непосредственно о процессах, провоцирующих миграцию кочевников в интересующие нас регионы, в этих источниках сведений не так уж много. Другой проблемой следует признать определенную зависимость авторов XII в. от более ран-

них текстов, которые зачастую так или иначе повторяют рассказ своих предшественников. В качестве примера можно привести «Таба'и' ал-хаййаван» («О природе животных») Шараф ал-Замана Тахира ал-Марвази (Marvazi 1942), чье повествование о тюрках зависит от более раннего сочинения Абу Саида ал-Гардизи «Зайн ал-Ахбар» («Украшение известий»), составленного в середине XI в. В отдельных случаях описание Дешт-и-Кыпчака ал-Марвази, вероятно, более соответствует реалиям того времени, в которое составлял свой текст ал-Гардизи (Marvazi 1942: 32; Martinez 1983: 120–121). Следует отметить, что оба этих автора, в свою очередь, обращались к «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств») Абу Абдуллаха Мухаммада Ибн Ахмада Джайхани, автора, писавшего во втором десятилетии X в. (Marvazi 1942: 6–8; Мишин 2009: 33–45; Bosworth 2000). Справедливости ради стоит отметить, что в составе «Таба'и' ал-хаййаван» можно найти весьма краткие описания миграции отдельных тюркских племен: так, например, в разделе о племени кун (قون) наш автор приводит следующие сведения. «Куны последовали [или были преследуемы] народом, именуемым кайи, которые, будучи более многочисленными и сильными, чем они, изгнали их с этих [новых] пастбищ. Затем они двинулись в земли племени шари, и шари ушли в земли туркмен, которые, в свою очередь, перешли на восточную часть страны гуззов. Тюрки-гуззы затем мигрировали в область Байджана, расположенную недалеко от берегов Армянского моря» (Marvazi 1942: 6–8, 206). Как видно из этого отрывка, миграция одного относительно крупного племенного образования запускает по цепочке процесс миграции более слабых племен или племенных объединений. Однако отсутствие точной датировки этого события и каких-либо косвенных указаний в тексте «Таба'и' ал-хаййаван» не дают возможности отнести указанный миграционный процесс непосредственно к XII в.

В нашем случае гораздо более полезен труд Ибн ал-Асира «Ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод по истории»): в частности, он приводит две версии появления в пределах Мавераннахра и Хорасана гуззов, одна из которых особенно интересна для нас. «Один из историков Хорасана¹ сообщает такие известия о них, в которых

¹ По мнению В. В. Бартольда, речь идет о сочинении «Машариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара'иб» Абу-л-Хасана Бейхаки (Ибн Фундук) (Бартольд 1900: 32–33; 1964: 414–416).

добавления и отклонения [против того, что сказано выше]. Он говорит, что гузы – племя, которое во времена ал-Махди перешло в Мавераннахр из местностей тугузгузов, из отдаленных мест страны тюрков. Они приняли ислам, и к ним обратился за помощью Муканна‘ – морочивший головы обманными чудесами; они помогали ему, пока не пришло к концу его дело. Когда же выступили против него войска, они оставили его без помощи и предали его. Таков их обычай во всякой державе, где они были. Подобное этому они сделали с царями [рода] хакана, но тюрки-карлуки воспротивились им и прогнали их с их мест. Эмир Зенги ибн Халифа аш-Шайбани, завладевший пределами Тохаристана, призвал их к себе и поселил в своей области» (Ибн ал-Асир 2006: 252). Перед нами, очевидно, пример того, как мусульманский историк пытается объяснить появление кочевого племени, в данном случае гуззов, в пределах верховий Аму-Дарьи давлением на них со стороны другого кочевого племени. При этом важным сюжетом для нас станет тот факт, что непосредственно в земли Тохаристана эти кочевники попадают не по собственной воле, а по приглашению местного правителя. Как будет отмечено ниже, подобная практика будет весьма распространена среди правителей различных регионов Хорасана и Мавераннахра.

Весьма любопытно, что у Мухаммада ибн Наджиба Бакрана в его «Джахан-наме» («Книга о мире»), написанной в начале XIII в., относительно миграции гуззов сказано, что причина этого неизвестна. «Местопребывание гузов было первоначально в Тарабе и на Джендском море, по обе стороны реки Чача. После того часть их племени, по причине, оставшейся неизвестной, попала в Хуталан, один из районов Балха, поселилась там (и жила) вплоть до времени султана Санджара ибн Мелик-шаха. После того, в 547 (= 1162) г., они выступили и вторглись в Хорасан, а затем попали в пределы Кермана, да уничтожит Аллах их остатки» (Материалы... 1939: 349; Бакран 1960: 17а). Впрочем, в другом месте сочинения этого автора можно найти следующие сведения: «Мангышлак. Племя тюрков. По причине раздоров, которые произошли между ними и гузами, они ушли с того места, где жили, и проникли в область Сияхкух, которая находится около Абаскунского моря. Найдя там источники воды и пастбища, они остановились на жительство. Их называют мангышлаками, а правителя их ханом» (Там же). В данном случае переселение тюркского племени в пределы Мангышлака обусловлено их столкновением с упомянутым нами племенем

гузов, в результате которого пришлось покинуть традиционные для них места кочевания. Как видно из приведенных нами выше примеров, столкновение одних кочевых племен с другими является одной из важнейших причин миграции проигравших, в том числе и в пределы Хорасана и Мавераннахра. Впрочем, стоит еще раз отметить, что в отношении подобных процессов в XII в. мы имеем крайне ограниченное количество свидетельств в мусульманских сочинениях XII – первой половины XIII вв.

Уже В. В. Бартольд в «Очерке по истории Семиречья» отмечал значение для истории Хорасана и Мавераннахра такого фактора, как формирование государства каракитаев (кара-хитаев) в Восточном Туркестане, чьи правители оказали существенное влияние на развитие указанных регионов в XII – начале XIII вв. (Бартольд 1943: 32–34). Для нас также важно отметить тот факт, что именно каракитаи во многом становятся тем фактором, который усиливает миграционные процессы внутри восточного Дешт-и-Кыпчака и давление кочевников на земли Хорасана и Мавераннахра. Тот же Ибн ал-Асир сообщает о действиях каракитаев следующее: «В мухарраме этого года² султан Санджар потерпел поражение от тюрок-гузов. Это племя тюрок, они мусульмане и находились в Мавераннахре, когда хитаи завладели [Мавераннахром], они [хитаи] выселили [гузов] оттуда, как мы упомянули, и они [гузы] направились в Хорасан, а их было много. Они поселились в окрестностях Балха и пасли [свои стада] на его пастбищах» (Ибн ал-Асир 2006: 250). В другом месте «Ал-Камил фи-т-тарих», при описании событий 559 г. х.³, тот же историк указывает, что правители каракитаев активно вмешивались в дела кочевых тюркских племен, уже переселившихся на территорию Мавераннахра. Речь идет о племени карлуков, проживавших в этот момент в землях, прилегающих к Самарканду и Бухаре. «Хан ханов ас-Сини, царь хитаев, поручил управление Самаркандом и Бухарой ильхану, Чагры-хану, сыну Хасан-тегина и сделал его наместником над ними. Он из царского рода древнего происхождения и проживал в Самарканде, руководя его делами. В настоящее время царь хитаев послал ему [распоряжение] выселить тюрок из областей Бухары и Самарканда в Кашгар, чтобы они перестали носить оружие и занялись земледелием и другими делами. Чагры-хан отдал им приказание об

² 548 г. х. – 1153/1154 г.

³ 559 г. х. – 1163/1164 г.

этом, но они отказались. Он их обязывал и настойчиво требовал от них переселения. Тогда они объединились, сговорились между собой, собрались во множестве и двинулись на Бухару. Законовед Мухаммад ибн ‘Умар ибн Бурхан ад-дин ал-‘Азиз ибн Маза, глава Бухары, послал к Чагры-хану, уведомляя его об этом, и побуждал его прибыть к ним со своими войсками, прежде чем зло от них [карлуков] увеличится и они [карлуки] разграбят страну» (Ибн ал-Асир 2006: 267–268). Как видно из этой цитаты, влияние каракитаев на Мавераннахр было столь велико, что они имели возможность определять территории для проживания тех или иных кочевых тюркских племен. В связи с этим, по-видимому, Садр ад-Дин ал-Хусайни ошибочно указывает на тот факт, что именно в землях этого региона и сложилось государство каракитаев (ал-Хусайни 1980: 91).

Последнее, впрочем, может объясняться и тем фактом, что именно каракитаи нанесли жестокое поражение войскам сельджукского султана Санджара в битве на Катванской равнине в 1141 г., после которого сельджукское господство в Мавераннахре было почти полностью ликвидировано. Данное историческое событие можно признать еще одним важным фактором, способствующим миграции кочевых тюркских племен в земли Хорасана и Мавераннахра: разгром сельджукских войск, как нами уже было отмечено, существенно ослабил их контроль над этими землями, а угроза со стороны каракитаев не позволяла переключить внимание султана Санджара на границы с Дешт-и-Кыпчаком. На фоне этого поражения усилились позиции локальных лидеров, которые только ждали повода проявить сепаратизм по отношению к данному правителю: наиболее ярким примером подобного рода станут действия хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Атсыза (1127/1128–1156 гг.), который, пользуясь разгромом султана Санджара, захватит его столицу, город Мерв, и разграбит казну этого правителя (Ибн ал-Асир 2006: 248; Джувейни 2004: 193; Материалы... 1939: 349; Ibn-el-Athiri... 1876: 116–121; Ravandi 1921: 173–174). Как сообщает Ибн ал-Асир, после захвата Мерва хорезмшах прекратил чтение хутбы с упоминанием имени Санджара и «велел их читать на свое имя» (Ибн ал-Асир 2006: 248). На короткое время значительная часть Хорасана была покорена Атсызом и оказалась разграбленной хорезмийскими войсками: «Воины [хорезмшаха] творили в Хорасане ужасные дела. Султан воздерживался от сражений с хорезмшахом Атсызом из-

за силы хитаев в Мавераннахре и их близости к нему, и хорезмшах захватил эти и другие города Хорасана» (Ибн ал-Асир 2006: 249).

В дальнейшем возвращение сельджукского султана в свою столицу после поражения от каракитаев требовало от Санджара решительных действий в отношении прежде всего некогда зависимых от него локальных лидеров, проявивших в подобной ситуации сепаратизм – и первым из них должен был стать хорезмшах Атсыз. В ранних памятниках указывается, что султан Санджар предпринял успешную военную кампанию против Хорезма, в результате чего удалось не только вернуть казну, но и заставить непокорного хорезмшаха вновь признать зависимость от него (ал-Хусайни 1980: 93). Однако в более поздних текстах, например у Ибн ал-Асира, о таких успехах Санджара ничего не сказано: сельджукским войскам не удалось захватить столицу Хорезма Гургандж, и пришлось заключить почетный мир, который, по сути, означал признание независимой власти ‘Ала’ ад-Дина Атсыза над всем этим регионом. «Санджар остался один, и ему стало трудно защищать себя. Когда султан увидел силу города и его неприступность, он решил вернуться в Мерв, но не мог сделать этого без какого-нибудь соглашения, заключенного между ними. И так случилось, что хорезмшах послал к нему гонцов, щедро предлагая деньги, [обещая] повинование, услуги, и что он возвратится к былой покорности. Санджар согласился на это. Они заключили мир. Санджар вернулся в Мерв, а хорезмшах остался в Хорезме» (Ибн ал-Асир 2006: 249–250).

Как видно из обоих приведенных нами сообщений, правитель Хорезма сумел извлечь максимальную для себя выгоду из поражения султана Санджара в битве на Катванской равнине. Весьма вероятно, именно этим фактом можно объяснить то, что в отдельных памятниках мусульманской историографии указывается, будто именно хорезмшах ‘Ала’ ад-Дин Атсыз спровоцировал правителя каракитаев к нападению на сельджукского султана. «Мы говорим – в этом году в мухарраме месяце, а другие говорят – в сафаре, султан Синдjar потерпел поражение от тюрок – неверных. Причины этому следующие. Синдjar убил сына хорезмшаха Атсыза ибн Мухаммада, как мы это рассказали раньше. Хорезмшах обратился с посланием к хитаям, которые находились в Мавераннахре, прельщая их той страной и представляя выгодным для них ее положение и подстрекая их напасть на царство султана Синдjара. Они вступили с тремястами тысячами всадников, и Синдjar выступил против них со своими войсками. Они встретились в Мавераннахре

и сразились в ожесточенном бою. Синджар и его войско бежали, из них было убито сто тысяч человек, среди которых двенадцать тысяч носителей чалмы и четыре тысячи женщин, а жена Синджара попала в плен» (Ибн ал-Асир 2006: 241–242). Впрочем, у более раннего ал-Хусайни в качестве «поджигателей войны» выведены карлуки, а вовсе не правитель Хорезма: «...а причиной этого было то, что конница карлуков достигла окрестностей Самарканда, их число и количество их скота увеличивалось, и стали опасаться их зла и их мятежей, а эмиры-исфахсалары стали намекать султану, что нужно, мол, их удалить и отогнать, захватить их детей. [Однако карлуки] послали к нему [послов] и в знак службы передали пять тысяч верблюдов, пять тысяч коней и 50 тысяч голов овец. Султан не принял этого, и [такое] положение привело к тому, что они отправились в страну тюрок и пришли в ставку (хадрат) Гюр-хана – владыки хитай, Хотана и На`ма. Он (Гюр-хан) был величайшим [владыкой] из безбожных (куффар) тюрок и самым сильным среди них. Его велениям подчинялись вплоть до границ Китая. Когда карлуки явились к нему, они сообщили, что султан Муизз ад-Дин Санджар стал слаб, что среди его войск – раздоры, и стали подстрекать его [к нападению] на те страны» (ал-Хусайни 1980: 91–92). Здесь можно отметить уже второй случай, когда данные Ибн ал-Асира противоречат сообщениям этого мусульманского историка XII в. при описании истории Хорезма и его правителей. Вероятно, это можно объяснить тем фактом, что ал-Хусайни долгое время находился на службе у хорезмшаха Текиша, где им и был написан труд «Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа» («Сообщения о Сельджукском государстве») или «Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-Селджукиййа» («Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях») (Там же: 13–14; Бартольд 1900: 30; 1963: 79; Тимохин 2021: 45–56). Именно этим, с нашей точки зрения, можно объяснить специфическое описание истории правления правителей Хорезма у ал-Хусайни, особенно на фоне тех сведений, которые приводят о них другие домонгольские мусульманские историки.

Справедливости ради стоит отметить, что именно военную и политическую деятельность правителей Хорезма в XII в. следует признать еще одной причиной массовых миграций представителей кочевых тюркских племен в пределы Хорасана и Мавераннахра. Так, для того чтобы обезопасить собственные границы и контролировать ситуацию в прилегающих к Хорезму областях восточного

Дешт-и-Кыпчака, хорезмшах 'Ала' ад-Дин Атсыз в 1145 г. захватывает город Дженд. «Для этой цели он занял местности, именно Дженд, то есть низовья Сырдарьи и полуостров Мангашлык. Из Дженда он совершил поход вглубь Туркестана и одержал победу над царем и предводителем, который среди неверных пользовался самым большим уважением» (Бартольд 1963: 388). У нас есть определенные сомнения в отношении датировки этой военной кампании, которые мы уже высказали в специальном исследовании и полагаем, что она произошла существенно ранее (Тимохин 2019а: 81–82). Однако гораздо важнее отметить, что этот город был крайне важен в стратегическом плане для правителей Хорезма, поскольку позволял им осуществлять торговые операции с тюркскими кочевниками Дешт-и-Кыпчака, производить походы вглубь этого региона, если возникнет такая необходимость, но главное – принимать их на свою службу и тем самым увеличивать мощь собственных военных соединений. Важность данного события для укрепления северных границ Хорезма отражается в следующей цитате из фатх-наме хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Атсыза, которую приводит в своей классической монографии З. М. Бунятов: «Дженд является важной областью мира и великой границей ислама: освобождение его преславный и всевышний Господь сделал для нас доступным и накинуд на него аркан повиновения и послушания нам» (Бунятов 1986: 19). Значимость Дженда подчеркивает и тот факт, что именно в нем правители Хорезма, начиная все с того же 'Ала' ад-Дина Атсыза, оставляли наместниками своих старших сыновей (Там же: 23). Ибн ал-Аси, в частности, сообщает, что хорезмшах Текиш до того, как взшел на престол, правил именно в Дженде. «После него стал править сын его Султан-шах Махмуд, а делами государства и войск стала распоряжаться его мать [Туркан]. Старший же сын его [Иль-Арслана] Ала ад-Дин Текиш находился в Дженде, который дал ему отец в надел. Когда он узнал о смерти отца и возведении на престол его младшего брата, то вознегодовал на это, направился к царю хитаев, попросил у него помощи против своего брата, возбудив его алчность богатствами и сокровищами Хорезма» (Ибн ал-Асир 2006: 270–271). У более раннего мусульманского автора ал-Кумми упоминается факт, что тот же хорезмшах Текиш получает поддержку в борьбе с собственным братом за хорезмийский престол именно от кочевых тюркских племен восточного Дешт-и-Кыпчака, что также следует объяснять его наместничеством в Дженде (al-Qummi 1985/1363: 235). В связи с этим неудивительно, что хорезмшахи опирались на военную под-

держку тюркских военных соединений, набранных из состава кочевников восточного Дешт-и-Кыпчака, что, в свою очередь, усиливало миграционные процессы в пределы как самого Хорезма, так и Хорасана и Мавераннахра.

По всей видимости, после захвата Дженда правители Хорезма ведут целенаправленную политику привлечения на свою сторону отдельных кочевых тюркских племен восточного Дешт-и-Кыпчака, что усиливало миграционную активность последних. В частности, Садр ад-Дин ал-Хусайни указывает, что в годы правления Абу-л-Фатха Ил-Арслана (1156–1172 гг.) на хорезмийскую службу были приняты некоторые представители кочевой знати из племени карлуков. «Он (то есть Абу-л-Фатх Ил-Арслан. – *Д. Т.*) назначил командиром войск Шамс ал-Мулка сына Хусайна ‘Аййар-бека – одного из карлукских эмиров и кочевников Мавераннахра. Его отец захватил Самарканд, а затем подвергся нападению кочевников хитая. В сражении он был убит, а этот его сын бежал в Хорезм. Хорезмшах встретил его с честью и почетом, окружил его вниманием и милостью. Он выдал за него свою сестру и сделал его командующим своих войск» (ал-Хусайни 1980: 131–132). Здесь стоит отметить несколько сюжетов: во-первых, мусульманский историк указывает на то, что карлуки являлись «кочевниками Мавераннахра», что говорит нам о следующем: после поражения султана Санджара на Катванской равнине в 1141 г. это племя закрепилось в данном регионе настолько прочно, что ал-Хусайни пишет об этом именно в таком ключе. При этом не следует забывать и о том, что одного из представителей кочевой аристократии хорезмшах немедленно возвысил, дав пост командующего, и даже породнился с ним. Этот факт говорит лишь о значимости для Хорезма союза с тюркскими племенами и их предводителями. Несомненно, ал-Хусайни ошибочно указывает каракитаев в качестве «кочевников», что, впрочем, характерно не только для него, но и для других представителей домонгольской мусульманской историографии. Версия историка Джузджани о том, что союз хорезмшаха был в данном случае не с карлуками, а с кыпчаками, о которой можно прочитать на страницах «Табакат-и-Насири» («Насириновы таблицы») (Ṭabakāt-i-Nāṣirī... 1881: 239), выглядит маловероятной с учетом указания на союз с карлуками у еще одного автора – Ибн ал-Асира (2006: 267–268).

Возвращаясь к правлению Абу-л-Фатха Ил-Арслана, отметим, что, по данным некоторых мусульманских авторов, союз между

Хорезмом и карлуками становится причиной столкновения между хорезмшахом и каракитаями. Последние, очевидно, считали Мавераннахр зоной собственного влияния, и когда правитель Самарканда обратился к ним за помощью против карлуков, приказали ему переселить это племя в пределы Кашгара, как нами уже было отмечено выше (Ибн ал-Асир 2006). В результате карлуки обратились за помощью к Абу-л-Фатху Ил-Арслану (Qazvini 1903: 377), которому уже в конце своего правления пришлось начать открытые военные действия против каракитаев, в чем он, впрочем, не преуспел (Бартольд 1963: 396–398, 399–400; Biran 2005: 42–44, 52–54). «В этом году⁴ хитаи переправились через реку Джейхун, желая напасть на Хорезм. Владетель его хорезмшах Ил-Арслан ибн Атсыз, услышав об этом, собрал войска и направился в Амую, дабы сразиться с ними и отбросить их. Но он заболел и остановился в нем. Он направил против них часть своего войска во главе с главным эмиром. Тот встретился с ними, и между ними произошло жестокое сражение. Хорезмийцы бежали, и их предводитель был взят в плен. Хитаи вернулись в Мавераннахр, а хорезмшах, будучи больным, – в Хорезм» (Ибн ал-Асир 2006: 270). В годы правления следующего хорезмшаха, ‘Ала’ ад-Дина Текиша (1172–1200 гг.), как нами уже отмечалось в специальных исследованиях, процесс интеграции представителей кочевых тюркских племен в состав военной и административной системы Хорезма только усиливался (Тимохин 2019б: 134–142; 2019в: 179–183). Неудивительно, что и миграция целых племенных соединений из восточного Дешт-и-Кыпчака в пределы Хорезмийской державы в этот период приобретает невиданные до этого размеры (al-Bagdadi 1937: 158), это позволяет исследователям утверждать, что армия хорезмшаха Текиша состояла практически полностью из тюркских соединений. «Армия, которую собирали хорезмшахи в период образования государства, состояла из воинов тюрков; войсковые подразделения и части формировались по племенному признаку. Даже в период расцвета государства, когда в войска рекрутировались представители других племен и народов, тюрки составляли основную и главную ударную силу» (Бунятов 1986: 83).

Тот же вакуум власти, который начинает образовываться в Хорасане еще при жизни султана Санджара, становится еще одним фактором, который усилил миграции тюркских племен как в пре-

⁴ 567 г. х. – 1171/1172 г.

дела этого региона, так и в соседний Мавераннахр. Здесь ключевым событием следует признать, помимо уже упомянутого нами поражения на Катванской равнине в 1141 г., так называемую «огузскую смуту» (Агаджанов 1969; Ахинжанов 1995; Бартольд 1963; Буниятов 1986; The Cambridge... 1968). Племя огузов/гузов/гуззов, по данным некоторых мусульманских историков XII в., вторгается в пределы Мавераннахра, по всей видимости, под давлением каракитаев, а часть из них уходит и на территорию Хорезма (Marvazi 1942: 29). После событий 1141 г., когда сельджукскому господству был нанесен чувствительный удар, гуззы вторгаются в пределы Хорасана отчасти из-за слабости власти султана Санджара, отчасти по той причине, что каракитаи вытесняют их уже из земель Мавераннахра. «В мухарраме этого года⁵ султан Санджар потерпел поражение от тюрков-гузов. Это племя тюрков, они мусульмане и находились в Мавераннахре, когда хитаи завладели [Мавераннахром], они [хитаи] выселили [гузов] оттуда, как мы упомянули, и они [гуззы] направились в Хорасан, а их было много. Они поселились в окрестностях Балха и пасли [свои стада] на его пастбищах» (Ибн ал-Асир 2006: 250; al-Qummi 1985/1363: 235). Вплоть до 1153 г. присутствие гуззов в Хорасане устраивало и центральную власть, и региональных правителей – тюркское племя платило необходимые подати в обмен на использование выделенных им территорий под пастбища для скота. Подобное положение вполне устраивало и самих гуззов, которые «жили в хорошем положении, не причиняя вреда, совершая молитвы и уплачивая закят» (Ибн ал-Асир 2006: 250).

Мусульманские авторы указывают разные причины конфликта между гуззами и султаном Санджаром, однако единодушны в том отношении, что представители кочевого тюркского племени всеми силами старались избежать военного столкновения, предлагая сельджукскому правителю различные варианты откупа (Материалы... 1939: 323, 356; Histoire... 1889: 282–283; Ravandi 1921: 178–179; Ибн ал-Асир 2006: 251). Впрочем, несмотря на все попытки переговоров, сражение все-таки состоялось и гуззы наголову разбили армию сельджукского султана, который сам попал к ним плен, где и пробыл три года, вплоть до 1156 г. «Они ждали, пока к ним не подошло войско, а в центре его был Санджар. Долина наполнилась потоком конницы, и день покрылся покровом ночи.

⁵ 548 г. х. – 1153/1154 г.

В авангарде находились эмиры, которые ослабели, испугались и представили себе ошибочное. Гузы воспользовались их слабостью, заехали им в тыл и стали убивать, брать в плен, ударять и дробить; спасение из теснины было трудно, и дорога была вымощена телами убитых. Они убили эмира Кумача и его сына, пришли к лагерю и уничтожили его людей и снаряжение, добрались до султана Санджара, а он был с небольшим числом своих приближенных и уже отчаялся в спасении. Они окружили его, как ресницы окружают зрачок, а он оказался в центре этого замкнутого круга и попал в руки притеснения. Эмир их (гузов) сошел с лошади, поцеловал землю, своим упорством преградил ему путь, приветствовал его и сказал: «Твои люди стали причинять вред и не охраняли хорошо подданных, мы – рабы твои вокруг тебя, говорим то, с чем ты согласен, и слушаем то, что ты говоришь». Они отделили его от его спутников и заменили высокомерие его витязей унижением его людей. Он оставался у них как пленник 3 года. Они давали ему мало еды и питья, но сажали его на трон, а сами стояли в его присутствии, кроме Коргуда и эмира Тути-бека» (Материалы... 1939: 324; Histoire... 1889: 283–284).

Последствия этого оказались катастрофическими не только лично для султана Санджара, но и для всего Хорасана: даже после его бегства из плена и возвращения в Мерв гуззы продолжали грабить земли Хорасана. «Они распространились по стране, как саранча, и личинки их стали ползать, совершая зло. Они губили имущество и души, уничтожали благосостояние, устанавливали нужду, разрушили Нишапур, перебили его жителей мучительным образом и пролили кровь ученых и имамов в михрабах. (При этом) они возили с собой Санджара, а он не мог воспрепятствовать им; иногда он грубо говорил с ними, запрещал им, бранил и поносил их, но они не отвечали ему, когда он говорил им неприятное. Когда остатки войска Санджара потеряли надежду на его освобождение и увидели, что он стеснен в клетке, в которую его поймали, то ушли, разбежались, бились и терпели неудачи. В конце своей жизни он (Санджар) бежал от них, попал в Термез, стал точить меч намерений и предъявлять требования, но его постигла стрела рока и избавила его (от трудов). Войска его вызвали Сулейман-шаха, сына его брата Мухаммеда, чтобы он стал править вместо него и возобновил его власть, но тот не сумел достичь желаемого, оказался негодным и поступал нехорошо; он удалился в Рей и оттуда в Багдад, и дело его не нашло сил для осуществления. Войско же сошлось на избра-

нии Махмуд-хана, сына сестры Санджара, и он пребывал в Нишапуре могущественным, имеющим хороший авторитет. Это было во времена султана Мухаммеда ибн Махмуда ибн Мухаммеда ибн Меликшаха, он (султан) написал ему из Хамадана грамоту и утвердил его. Потом эмир ал-Муайид Ай-Аба завладел Нишалуром, схватил Махмуд-хана, лишил его (власти) и стал управлять делами. Гузы же остались в Мерве, Балхе и остальных городах, блуждая в (стороне) от истинного пути, поклоняясь несправедливости и обижая рабов (Божиих)» (Материалы... 1939: 324; Histoire... 1889: 284). Присутствие гуззов в Хорасане, таким образом, становится значимым дестабилизирующим фактором вплоть до 1172/1173 г., а возможно, и дольше: региональные лидеры, претендующие после смерти султана Санджара на господство в этом регионе, вынуждены были решать прежде всего именно эту проблему. Гуззы опустошали земли и города Хорасана, отказываясь подчиняться кому-либо, что делало их самих «всеобщим врагом»: так, Ибн ал-Асир указывает, что один из претендентов на хорезмийский престол после смерти хорезмшаха Абу-л-Фатха Ил-Арслана, Султан-шах Махмуд, «сделал своим занятием – войну с гуззами, убийство и грабеж» (Ибн ал-Асир 2006: 272). Впрочем, в глазах мусульманского историка первое из указанных занятий вряд ли стоит считать злодейством, поскольку «гуззы овладели страной⁶ и совершили неслыханные преступления» (Там же: 251).

Подводя итоги, можно отметить несколько важных моментов относительно миграции кочевых тюркских племен восточного Дешт-и-Кыпчака в пределы Хорасана и Мавераннахра в XII в. Мусульманские историки сообщают мало информации о том, какие внутренние процессы, за исключением столкновений между отдельными племенами, могли способствовать усилению миграции кочевников в указанные регионы. Впрочем, как нами было отмечено, сам факт формирования государства каракитаев в пределах Восточного Туркестана сильно повлиял на развитие событий: под их давлением кочевые племена уходят в пределы Мавераннахра и области Хорезм, а затем вынуждены искать убежища и в землях Хорасана. Каракитайские правители существенно нарушили баланс сил, который существовал в восточном Дешт-и-Кыпчаке накануне формирования их державы, в результате усиливается давление тюркских племен первоначально на земли Мавераннахра. Здесь

⁶ То есть Хорасаном.

сыграли свою роль и военные успехи каракитаев: разгром сельджукской армии на Катванской равнине в 1141 г. не просто подрвал могущество и авторитет султана Санджара, но и лишил его влияния на дальнейшую судьбу Мавераннахра, который становится фактически частью каракитайской державы, несмотря на то, что отдельным региональным лидерам удалось сохранить за собой власть. В подобной ситуации кочевые тюркские племена только увеличивают свое присутствие в этих землях, однако, как отмечают уже средневековые мусульманские авторы, политика каракитаев в отношении этих кочевников заставляет их либо мигрировать под защиту набирающих силы правителей Хорезма, либо уходить в пределы Хорасана, где власть султана Санджара оставалась по-прежнему слабой. В дальнейшем недальновидные действия этого сельджукского правителя привели к тому, что остатки его могущества были растоптаны гуззами, которые после разгрома его войска в 1153 г. почти два десятка лет присутствовали в землях Хорасана. Именно это кочевое племя сумело посеять хаос и сумятицу в масштабах всего региона, подвергнуть настоящему разгрому крупные и богатейшие города Хорасана. Однако подобные действия сделали гуззов врагами и для хорезмийцев, и для правителей области Гур, поскольку мешали им самим овладеть Хорасаном в рамках борьбы за «сельджукское наследство», которая начнется после смерти султана Санджара в 1157 г. Противостоять одновременно двум могущественным региональным лидерам, каковыми являлись, без сомнения, хорезмшахи и гуридские султаны, гуззы не смогли, и их присутствию в Хорасане пришел конец: по крайней мере, они перестают играть значимую военную и политическую роль в этом регионе после 1172/1173 г.

Безусловно, нельзя обойти вниманием влияние Хорезма и его правителей в XII в. на динамику и масштабы миграции кочевых тюркских племен в земли Хорасана и Мавераннахра. Начиная с правления хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Атсыза, хорезмийское влияние в пограничных с Дешт-и-Кыпчаком землях только усиливается, и главным форпостом здесь будет город Дженд – именно в этот город правители Хорезма будут отправлять своих старших сыновей в качестве правителей, что говорит о его значимости, равно как и о стремлении усиливать военное и политическое влияние на кочевые тюркские племена. В результате представители кочевой знати инкорпорируются в состав военной и административной элиты Хорезма, а рядовые кочевники составляют ядро армии хорезмшаха,

что особенно заметно в период правления 'Ала' ад-Дина Текиша. Несмотря на то, что подобный союз в итоге столкнул Хорезм и державу каракитаев, его все же следует считать максимально выгодным для хорезмийцев, поскольку во многом благодаря ему ими были одержаны значительные победы в конце XI – начале XIII в., расширены пределы государства, которое при хорезмшахе 'Ала' ад-Дина Мухаммаде (1200–1220 гг.) станет крупнейшей империей мусульманского Востока. В этой статье нами были отмечены основные факторы, усилившие миграцию кочевых тюркских племен восточного Дешт-и-Кыпчака в пределы Мавераннахра и Хорасана – надеемся, что в последующих работах нам удастся рассмотреть их еще более детально и выделить те, о которых нами не было сказано в этой статье. Также хотелось бы надеяться, что поднятая нами научная проблематика окажется интересной специалистам по домонгольской истории восточного Дешт-и-Кыпчака, что способствует появлению новых специальных исследований в этом направлении.

Литература

Агаджанов, С. Г. 1969. *Очерки истории огузов и туркмен*. Ашхабад: Ёлым.

Ибн ал-Асир. 2006. *Ал-Камил фи-т-тарих (Полный свод по истории). Избранные отрывки* / пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддина. Ташкент: Узбекистан.

Ахинжанов, С. М. 1995. *Кипчаки в истории средневекового Казахстана*. Алматы: Ёлым.

Бакран, Мухаммад ибн Наджиб. 1960. *Джахан-наме (Книга о мире)* / издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского. М.: ГРВЛ.

Бартольд, В. В.

1900. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Ч. 2. *Исследование*. СПб.: Тип. В. Киршбаума.

1943. *Очерк истории Семиречья*. Фрунзе: Киргизгосиздат.

1963. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. В: Бартольд, В. В., *Соч.*: в 9 т. Т. I. М.: Наука.

1964. Султан Синджар и гузы. (По поводу статьи К. А. Иностранцева). В: Бартольд, В. В., *Соч.*: в 9 т. Т. II. Ч. 2. М.: Наука.

Бунятов, З. М. 1986. *Государство хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г.* М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука».

Джувейни. 2004. *Чингиз-хан. История завоевателя мира*. М.: Магистер-Пресс.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1939. Т. I. VII–XV вв. В: Волин, С. Л., Ромаскевич, А. А., Якубовский, А. Ю. (ред.), *Арабские и персидские источники*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Мишин, Д. Е. 2009. Джайхани и его «Книга путей и государств». *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность* 1: 33–45.

Тимохин, Д. М.

2019а. Значение г. Дженд для экономических и политических отношений между Хорезмом и кочевыми племенами Дешт-и Кыпчака в конце XI–XII вв. В: Базаров, Б. В., Крадин, Н. Н. (отв. ред.), *Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований*: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.): в 2 кн. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. Кн. 2, с. 81–82.

2019б. О роли городов во взаимодействии Хорезма и кочевых племен Дешт-и Кыпчака в конце XI–XII веков на примере Дженда. *Вестник Института востоковедения РАН* 3(9): 134–142.

2019в. Тюрки в военном и административном аппарате Хорезма в XII – начале XIII вв. По данным арабо-персидских источников. В: Телицин, Н. Н. (ред.), *Актуальные вопросы тюркологических исследований: Международная научная конференция XX Ивановские чтения, 18 мая 2018 г.*: материалы конференции. СПб.: Центр содействия образованию, с. 179–183.

2021. Обзор арабо-персидских источников XII века по истории Хорезма: особенности структуры и содержания. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность* 2: 45–56.

Ал-Хусайни, Садр ад-Дин ‘Али. 1980. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа) («Сообщения о Сельджукском государстве».* «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях») / пер. З. М. Бунятова. М.: Наука.

Al-Bagdadi, Baha ad-Din Mohammad. 1937. *At-Tavassul ila at-Tarassul*. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar.

Biran, M. 2005. *The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World* (Cambridge Studies in Islamic Civilization). Cambridge: Cambridge University Press.

Bosworth, C. E. 2000. GARDĪZĪ, ABŪ SA‘ĪD ‘ABD-al-ḤAYY. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/gardizi> (дата обращения: 30.12.2012).

Histoire des seldjoucides de l'Iraq par al-Bondari d'apres Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. 1889. In Houtsma, M. Th. (ed.), *Recueil de textes relatifs a l'histoire des seldjoucides*. Leiden: E. J. Brill. Vol. II.

Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. 1876. Vol. 11. Annos H. 527–583 / ed. by C. J. Tornberg. Leiden; Uppsala: E. J. Brill.

Martinez, A. R. 1983. Gardizi's two chapter on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. T. II. Wiesbaden, pp. 120–121.

Marvazi Sharaf al-Zaman Tahir. 1942. *On China, the Turcs and India*. London: The Royal Asiatic Society.

Qazvini Hamdallah. 1903. *Târikhè gozidè: les dynasties persanes pendant la période musulmane depuis des Saffârîdes jusques et y compris les Mogols de la Perse en 1330 de notre ère*. Paris: Maisonneuve et Guilmoto. Vol. 1.

al-Qummi, Najm al-Din Abu I-Riza'. 1985. *Tarih al-Wuzara*. Tehran: Muassase-i Mutalaat va Tahkikat-i Farhangi.

Ravandi, M. 1921. *Rahat as-sudur va ayat as-sorur*. Leiden; London: E. J. Brill.

Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia. 1881. Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. London: Gilbert & Rivington. Vol. I–2.

The Cambridge History of Iran / ed. by J. A. Boyle. 1968. Vol. 5. *The Saljuq and Mongol Periods*. Cambridge: Cambridge University Press.